

КОМПЛЕКС МЕЧЕТИ И МЕДРЕСЕ В СРЕДНИЕ ВЕКА: ВСЕМИРНАЯ ТРАДИЦИЯ И КРЫМСКИЙ АСПЕКТ

Ксения Дмитриевна Шульман

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия
ksenia_shulman@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7510-358X>*

Аннотация. Статья посвящена вопросу пространственного выделения зданий медресе, зарождения и бытования комплекса мечети-медресе в средневековой исламской архитектурной и образовательной традиции. Наиболее показательным примером таких комплексов в Крыму является «мечеть-медресе хана Узбека» (комплекс мечети хана Узбека и медресе Инджибек-хатун) в г. Старый Крым. На основании архитектурных планов и сохранившихся построек подобных комплексов выстраивается общая типология средневековых мечетей-медресе и разбирается место атрибутируемых крымских медресе в ней. Указываются типологические различия данных комплексов в зависимости от региональных архитектурных традиций. Выделены причины появления и бытования комплексов мечетей-медресе, как отдельных, так и частей более широких комплексов кульпие. Рассмотрена история выделения медресе как отдельного архитектурного и функционального строения. Выдвигается предположение о зависимости наличия мечетей и михрабных ниш в архитектуре зданий и степени духовного компонента в образовательном процессе средневековых медресе. На основании контент-анализа исторических хроник периода Крымского ханства в статье демонстрируется степень влияния заведений духовного образования на повседневную жизнь этнической общности средневековых городов и взаимосвязи заведений духовного и социального назначения.

Ключевые слова: ислам, мечеть, медресе, мечеть-медресе, Средние века, исламская архитектура, Крымское ханство

Благодарности: Статья написана в рамках проекта Минобрнауки РФ, государственное задание FZEG-2025-0001 «Этнические трансформации в Крыму и Таврических степях в Средние века и Новое время».

MOSQUE AND MADRASAH COMPLEX IN THE MIDDLE AGES: A WORLDWIDE TRADITION AND THE CRIMEAN ASPECT

Ksenia D. Shul'man

*V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
ksenia_shulman@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7510-358X>*

Abstract. The article discusses the spatial location of madrasah buildings and the origin and existence of the mosque and madrasah complex in the mediaeval Islamic architectural and educational tradition. The most illustrative example of the complexes under study in the Crimea is the “Khan Uzbek Mosque and Madrasah” (the complex of the Khan Uzbek Mosque and the Indzhibek-Khatun Madrasah) in the modern town of Staryi Krym. Architectural plans and surviving buildings of the complexes in question allows the one to build up a general typology of mediaeval mosque and madrasa complexes and to discuss the place of the attributed Crimean madrasahs within this typology. The typological differences of these complexes depending on the regional architectural traditions have been indicated. The reasons for the emergence and existence of the mosque and madrasah complexes both as separate structures and as parts of larger *külliye* assemblages have been determined. The history of the emergence of madrasah as a separate architectural and functional structure has been examined. A hypothesis has been put forward that the presence of mosques and mihrab niches in the buildings depended on the degree of spirituality in the educational processes in mediaeval madrasahs. The content analysis of historical chronicles from the age of the Crimean Khanate allows the author of the article to demonstrate the influence of religious education institutions on the daily life of the ethnic community in mediaeval towns and the interrelations of spiritual and social institutions.

Keywords: Islam, mosque, madrasah, mosque and madrasah complex, Middle Ages, Islamic architecture, Crimean Khanate

Acknowledgement: This article has been written as a part of the project supported by state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation FZEG-2025-0001 *Ethnic Transformations in the Crimea and the Tauria Steppe in the Middle Ages and the Modern Period*.

Медресе – исламское духовно-образовательное учреждение второй ступени для подростков и взрослых, предназначенное в период Средневековья для подготовки мусульманских ученых и духовных служителей из выпускников начальных духовных школ – мектебов. На территории Крыма медресе известны, начиная с 1332 г. (Солхатское медресе). Всего в период до присоединения Крыма к Российской империи можно достоверно говорить о существовании примерно двух десятков медресе. Широта функций, которая была присуща этому общественному институту в Средние века, становится очевидна при анализе планировки медресе и места расположения их в средневековом исламском городе относительно других духовных и социальных институтов. Медресе могло быть отдельным самостоятельным строением, однако чаще всего фиксируется его включение в состав более или менее широких полифункциональных градообразующих комплексов. В данной статье на основании письменных источников, с одной стороны, и результатов археологических и архитектурных исследований, с другой, будет проанализировано, можно ли зафиксировать медресе как отдельное сооружение или выделить его как часть архитектурного ансамбля.

Характерной чертой средневековой городской застройки является максимально компактное сосредоточение важных общественных и духовных зданий в одном месте, преимущественно на центральной городской площади. Центрами общественно-политической жизни средневекового восточного города в османской традиции были комплексы зданий духовного и общественного назначения – обнесенные общей стеной куллие (имареты) [17, с. 250]. Аналогичную функцию несли на себе более ранние комплексы общественных и духовных зданий вокруг городских площадей в Средней Азии (Хорезм, Бухара и др.). Путники и местные жители могли решать на данной территории как бытовые вопросы, с этой целью в состав комплексов входили бани, рынок и постоянные дворы, так и совершать обязательные духовные практики, от ежедневных молитв в мечети до погребения на кладбищах. Однако, в отличие от просто городских полифункциональных пространств Средней Азии, куллие становилось центром исламской инфраструктуры на завоеванной османами территории Малой Азии. Города бывшей Византийской империи уже имели сложившуюся застройку и оформленный городской центр. Решением становились или перестройка христианских культовых строений в исламские, или расширение территории города. Во втором случае именно куллие становились центрами и маркерами новых исламских кварталов – махалле. Центром куллие обычно была пятничная мечеть, однако состав сопутствующих зданий был совершенно различен и указывал на характер специализации данного комплекса. Например, куллие Сейид Баттал Гази XIII века в малоазиатском городе Сейтгази носит мемориальное назначение, так как было сформировано вокруг мавзолея. Мечеть и медресе вместе с хозяйственными сооружениями были построены позже для поддержания памяти об омейядском военачальнике Абдаллахе аль-Баттале, захороненном здесь [35, с. 1–3]. Были и куллие, содержащие в себе несколько зданий одинакового назначения: например, комплекс Мехмета II Фатиха, который включал в себя 8 зданий медресе, расположенных симметрично вокруг мечети Фатих, больницу и табхане (постоялый двор).

Однако подобные полифункциональные городские комплексы не всегда состояли из множества зданий: в маленьких провинциальных городах было необязательным наличие в таких комплексах бань, постоянных дворов, больниц и прочих вспомогательных зданий. Наиболее прочная связка среди общественных архитектурных ансамблей сохранялась у триады мечеть – медресе – мавзолей, в частности, непосредственно у комплекса мечети и медресе.

Медресе часто были включаемы как в комплекс куллие, так и в общественные пространства среднеазиатских площадей. В таких комплексах они выполняли несколько функций. Зачастую рядом с медресе находилась могила его основателя, ученого или правителя, и тогда медресе становилось целью паломничества желающих познакомиться с его трудами или с последователями его школы. Таким образом, осуществлялась и функция постоянной заботы о материальном состоянии гробницы основателя, и поддержание его вечного духовного поминовения.

Комплексом мечети-медресе в современной историографии называют находящиеся рядом отдельные здания мечети и медресе, исторически связанные друг с другом, или единое здание, выполняющее обе функции. Историю появления подобных комплексов следует рассматривать через призму истории выделения медресе как самостоятельного функционального сооружения и его архитектурного оформления из мечети.

Необходимость и возможность появления отдельного, специально предназначенного для духовно-образовательных целей здания появилась по достижению определенного уровня имущественного развития мусульманской общины (уммы) и оформления ее иерархии. Основная функция медресе – обучение. При жизни Пророка Мухаммада религиозное обучение, то есть передача уникальных духовных знаний, было связано непосредственно с его личностью и проходило в местах, где он пребывал. Согласно тексту Ибн Хишама, первое место, где проводилось коллективное обучение, – это дом Аркама бин Абу аль-Аркама, сподвижника пророка Мухаммада [3, с. 87] – дом, где сам пророк обучал членов уммы исламу. Со временем, в качестве мест подобной передачи информации начинают выступать мечети и дома учителей.

Именно за мечетью на этом этапе развития ислама (VII–VIII вв.) закрепляется функция образовательного пространства путем регулярных живых встреч в ней общине с учителем. Имам Абу Ханифа ан-Нуман ибн Сабит аль-Куфи и имам Абу Абдуллах Малик ибн Анас аль-Асбахи, основатели соответствующих мазхабов, также читали лекции в мечетях. Одним из первых публичных учителей в мечетях можно считать Хасана аль-Басри (642 г. рождения). Сведения о его выступлениях содержат указание на то, что в мечети он занимался толкованием Корана и шариата, а собрания у него дома посвящал рассмотрению более умозрительных вопросов, связанных с состояниями души и добродетелями. Образовавшийся вокруг аль-Басри «теологический кружок» становится центром интеллектуальной жизни Умайядского государства [13, с. 275–276].

Появление большого числа последователей у конкретных учителей и присутствие их в мечети на постоянной основе мешало выполнению в мечети остальными членами общин непосредственно религиозных обрядов. Поэтому возникла необходимость в отдельном помещении для углубленного обучения взрослых. Это происходит в эпоху Омейядов (661–750 гг.) и совпадает с выделением отдельных пространств для религиозного обучения детей – «китабов» (они же позже «мектебы»).

Начиная с этого периода, можно зафиксировать смешение в таких учреждениях духовного обучения, обучения естественным и точным наукам и использование данной территории еще и как общественного пространства для дискуссий по духовным, политическим и научным вопросам. Примером подобного подхода может служить Дом Мудрости, «Байт аль-Хикма», построенный в 827 г. в Багдаде халифом Абу Джрафом аль-Мамуном (813–833 гг.). В качестве «предшественника медресе» это учреждение рассматривают по сходству причин его создания. Во-первых, подведение материально-технической базы под создание собственной школы идеологических сторонников. Аль-Мамун симпатизировал учению мутазилитов, и Дом мудрости должен был обеспечить сторонников этого учения богатым фактическим материалом для дискуссий, в первую очередь, трудами по философии [11, с. 108]. Во-вторых, привлечение наиболее известных ученых, посредством предоставления им финансовых и социальных благ, и уникальной источниковой базы: по некоторым данным, Аль-Мамун поощрял переводчиков и учёных пополнять библиотеку в Доме Мудрости, выплачивая им вознаграждение золотом соразмерно весу каждого подготовленного труда.

Распространенное утверждение о том, что в X–XI вв. медресе находились «при мечетях» [3] вызывает затруднение двумя вариантами трактовки: это может быть как «при» в значении «возле, рядом» относительно отдельного архитектурного сооружения, так и «в, в здании» в отношении учреждения, которое могло располагаться в самой мечети в моменты, когда богослужения в ней не проводились. Скорее всего, именно к периоду X века относится появление первых медресе как отдельных строений. Самое раннее медресе, имеющее отдельное архитектурно выраженное строение, известно нам по свидетельству Мухаммеда Наршахи о пожаре 937 года в Бухаре: там, среди прочего, сгорела и «мадраса Парчак», также назы-

ваемая медресе Фарджак, а «жители Бухары потерпели убытка более, чем на 100,000 диргемов, и они уже не могли (после пожара) возобновить здания, как они были раньше» [25, с. 118]. Следующий этап развития медресе показывает, что те рассматривались правителями как центрообразующие здания социальных комплексов по типу куллие. Согласно документу середины XI века, караханидский правитель Мавераннахра Тамгач-хан приказал основать в Самарканде «мадрасу, которая станет местом собраний людей науки и религии и включит в себя мечеть, учебные классы, школу для обучения Корану, класс чтеца Корана ... подсобные помещения, двор и сад» [5, с. 519–520].

Э. Д. Зиливинская указывает на то, что здания медресе часто пристраивались к дому основателя, или его дом был включен в постройку [12, с. 130]. Известны случаи, когда основатель или руководитель учебного заведения был похоронен в одном из помещений медресе. Более известны захоронения правителей-жертвователей. Медресе Ан-Нурия в Дамаске (1172) представляет собой единый комплекс с усыпальницей основателя, правителя Зангидов Нур-ад-Дина [7, с. 40–46]. Мавзолей Гур-Эмир, усыпальница Тимура (Тамерлана) и Тимуридов, его непосредственных родственников и наследников, был изначально построен самим Тимуром для его наследника, внука Мухаммеда Султана, возле воздвигнутого тем медресе [10, с. 99]. В Солхатском медресе жертвовательница, Инджибек-хатун, была похоронена в дюрбе в одном из помещений комплекса [21]. Возле салачикского Зинджырлы-медресе находится захоронение его основателя, Менгли Герая, в построенном им самим дюрбе его отца, Хаджи Герая.

Оформление миссии медресе как социального института доводится до совершенства в XI в. Абу Али аль-Хасаном ибн Али ибн Исхаком ат-Туси, более известным как Низам аль-Мульк. Как визирь сельджукского султана Мелик-шаха, Низам аль-Мульк считал основой прочного государства систему централизованной верховной власти, опирающейся на дееспособное чиновничество. Для такой системы был необходим постоянный источник лояльных правительству кадров, опирающийся на непреложный авторитет исламского общества – религию. Поэтому Низам аль-Мульк считал медресе основой традиционного государственного ислама и опорой управления территорией. Построенные им «Низамии» – сеть медресе по всей территории сельджукского султаната, должны были превосходить остальные существующие учебные учреждения по качеству подготовки выпускников, для чего приглашались лучшие учителя [32, с. 55–66]. «Низамии» были построены практически в каждом более или менее крупном городе подконтрольной Хорасану территории, среди которых: Багдад, Нишапур, Балх, Герат и Исфахан. «Низамия» была построена даже в дагестанском селе Цахур [16, с. 603–605]. По письменным источникам, в середине XI в. в Нишапуре было уже тридцать восемь медресе [31, с. 173]. Обстоятельства гибели Низама аль-Мулька и высказываемые в приписываемом ему трактате «Сиасет-намэ» («Книга об управлении») мысли рассматриваются как доказательство того, что медресе «Низамии» являлись способом борьбы с радикальными течениями в исламе того времени – крайними шиитами-исмаилитами [19].

Если «Низамии» представляли собой сеть типовых централизованных учебных заведений, то идейные противники аль-Мулька, фатимидские шиитско-исмаилитские правители Египта, пошли по иному пути. Созданный халифом аль-Хакимом Биамриллахом в 1006 году «Дар аль-хикма» (Дворец мудрости) в Каире представлял собой централизованное хранилище знаний, более наследующее Александрийской библиотеке, причем с оговоренным бесплатным доступом и поощрением изучения знания. Однако это заведение не имело религиозного назначения, и как раз теологические разногласия через сотню лет после его открытия положили конец его существованию. Интересно отметить, что это заведение было архитектурно частью дворца халифа: здесь следует отметить тенденцию на включение стратегически важного места хранения информации и обсуждения знаний в комплекс дворца правителя [29, с. 167–180].

С самого начала самостоятельного существования медресе как отдельных зданий со своей функцией, они не противопоставлялись мечетям, а находились максимально близко к ним. Во-первых, в медресе преподавали практикующие духовные лица – имамы, муэдзины, во-вторых, выпускники медресе должны были быть подготовлены к будущему занятию таких должностей и прилежнее прочих соблюдать нормы ислама, а значит должны были

постоянно присутствовать на молитвах. Однако пространственное оформление сосуществования мечетей и медресе претерпевало изменения со временем.

Технологически возможно предположить, что все медресе иранской, среднеазиатской и сирийской архитектурных традиций изначально задумывались как медресе-мечети, то есть как учебные заведения, одно из помещений (или частей) которых было предназначено исключительно для молитвы – а значит, считалось мечетью. Пространственная планировка всех медресе, с незначительными местными отличиями, представляет прямоугольное в плане здание, в центре которого находится обширный внутренний двор, куда выходят все помещения. В частности, это одно или несколько купольных помещений, где находятся мечеть и аудитории, и два или четыре айвана, также открывающиеся во двор. В ранних медресе Хорасана один из четырех айванов служил входом, другой, расположенный напротив входа, являлся мечетью. Таковы, например, медресе XI в. в Рее и Харгираде. В Хорасанском Ходжа Машаде XI в. в Таджикистане по сторонам южного портала расположены два больших купольных помещения, одно из которых является более ранним мавзолеем, а другое – мечетью. Сирийские медресе Нур ал-Дин и Адиллия имеют боковые ассиметричные стороны: с южной стороны расположен вытянутый зал мечети, а напротив нее большой айван с плоским перекрытием. В египетских медресе Калауна (XII в.) и Насирия (нач. XIV в.) напротив входного айвана расположена мечеть базиличного плана, а по бокам двора – худжры. Знаменитая мечеть-медресе Хасана XIV в. – классическая четырехайванная постройка, где самый большой айван служит мечетью, а по углам здания расположены медресе четырех толков ислама, каждое с собственным двором и кельями в четыре этажа. На нее похожа конструктивно и мечеть-медресе султана Баркука в Каире (1384–1386 гг.).

В османской системе государственного управления главной функцией медресе являлась подготовка кадров для местных духовных и бюрократических учреждений, поэтому основными помещениями в планировке медресе становились аудитории для занятий (айваны и оды) и общежительные комнаты-кельи (худжры) для проживания в них студентов (сохт) и преподавателей (мудеррисов). Наибольшее количество медресе в архитектурных ансамблях находилось в куллие Бурсы, где они рассматривались как центры подготовки чиновников османской администрации и не имели специальных молитвенных помещений [18, с. 133–148]. При этом среди малоазиатских примеров также существуют медресе с мечетью внутри: так, медресе Сырчалы в Конье, Гёк-медресе в Токате и медресе мечети Хунад Хатун в Кайсери XIII в. имеют два айвана, один из которых является входным, а другой исполняет функции мечети [12, с. 131–132].

Функциональное назначение медресе, воля заказчика и, по всей видимости, наличие отдельных строений мечетей в архитектурных ансамблях привело к тому, что с течением времени все меньше зданий медресе, особенно в Малой Азии, стали иметь в конструкции однозначно атрибутируемое в качестве мечети помещение. Именно это и привело к наличию помимо медресе и мечетей как таковых отдельной категории мечети-медресе – комплекса, совмещавшего в себе и религиозные, и образовательные функции.

Конструктивно мечети-медресе можно разделить на следующие категории: 1) где мечеть и медресе могут иметь общую смежную стену, но сохраняют отдельную независимую планировку; 2) где мечеть является одним из айванов медресе.

К первой относятся отдельные строения медресе и мечети, располагающиеся рядом, имеющие общий двор или территорию, обнесенные оградой. Зачастую к таковым относят позднейшие или разновременные комплексы, где медресе встраивалось в ансамбль через несколько веков после постройки мечети. К комплексам такого типа можно отнести дербентскую Джума-мечеть, чей архитектурный облик сложился в XIV веке, и медресе XV века на противоположной стороне двора [6, с. 64], комплекс Мехмеда II Фатиха, где к купольной мечети примыкают 8 больших медресе, по 4 с каждой стороны. Также к данной категории относится комплекс шафиитского духовного центра – мечети-медресе аль-Ашрафия йеменского города Таиз, открытый в 1382 году султаном Ашрафом Исмаилом бин Аббасом Расулидом. Мечеть-медресе аль-Асифия в Багдаде, выходящая фасадами зданий к реке Тигр, является примером разновременной постройки, где в одном комплексе сочетается гробница

Аббасидского периода, мечеть, медресе, постоянный двор и суфийская обитель, а окончательная перестройка и оформление ансамбля относится к началу XVII века.

Ко второй категории мечетей-медресе следует отнести здания, которые содержат под одной крышей помещения, предназначенные для молитвы, и помещения, предназначенные для обучения. Наиболее интересным экспериментом такого рода является комплекс Худавендигар в Бурсе (XIV в.). На верхнем этаже мечети, построенной как завия (суфийская обитель), располагается медресе. Также к ним относится мечеть-медресе султана Хасана в Каире (1356–1363 гг. постройки), представляющая грандиозное многоэтажное строение, шедевр мамлюкского зодчества, архитектурно и исторически противопоставленное близлежащей Каирской цитадели. Мамлюкские строения в Каире XV–XVI вв. часто представляют собой комплексы, в которых помещения для молитвы и для обучения соединены единым открытым двором (например, мечеть-медресе султана аль-Ашрафа Барсбея и мечеть-медресе погребального комплекса султана Кансуха аль-Гури). Мечеть-медресе в Баку была построена в XV веке при дворе шиитской Джума-мечети в целях образования в общих традициях Ширван-Апшеронской архитектурной школы. История бытования объекта уникальна тем, что позже Джума-мечеть была разрушена и ее сохранившееся помещение использовалось как учебная аудитория медресе [6]. Наличие внутренней мечети было, по всей видимости, признаком богатства учреждаемого заведения: так, в вакуфном документе самаркандского медресе Ибрагим-Тамгач-хана (1165–1166 г.) среди помещений упоминаются мечеть, аудитории (дастархана) различного назначения – для громкого чтения Корана, для изучения литературы, для занятий наукой, жилые худжры вокруг двора и сад [12, с. 130; 23, с. 84].

Главным критерием различия между категориями, таким образом, является наличие раздельного (в первом случае) и общего (во втором) входа, оформленного порталом. Наиболее ранние формы относятся к единым комплексам, в то время как позднейшие медресе обосновываются от мечетей.

Интересен пример «комплекса мечети-медресе хана Узбека» – «мечети хана Узбека» и медресе Инджибек-хатун (Солхатское медресе) 1332/3 г. Относительно строительной периодизации комплекса на сегодняшний день существует следующее мнение основных исследователей памятника: в конце XV – начале XVI века к зданию медресе 1332/3 г. постройки было пристроено здание мечети, портал-сполия для которого был взят из «здания-донора», первоначальной мечети Узбека 1314 года [15, с. 517; 20, с. 174; 22, с. 142–143]. Из этого исходит два предположения: или в момент постройки в первой трети XIV века медресе не представляло из себя комплекс и не имело рядом с собой мечети, а лишь михрабную нишу в южном айване, или на месте мечети XV века в XIV веке также существовала мечеть, позже «воссозданная» [20, с. 174]. Относительно места расположения первоначальной мечети Узбека, от которой сохранился портал, предположительно также михраб и шерфе от минарета, существует несколько предположений. Однако, на сегодняшний момент, ни одно из известных архитектурных сооружений Солхата, в том числе и базиликальное строение по ул. Красноармейской, пока не может быть убедительно отождествлено с ней. Интересно то, что в ходе первого строительного периода мечети, который относится исследователями к концу XV века, северная стена медресе была почти полностью разобрана и заменена новой, более толстой кладкой – южной стеной мечети. Кроме того, в процессе сооружения световых проемов по обе стороны от михраба, симметрично окнам северного фасада, они оказались напротив торцов восточной и западной стен северного айвана медресе, что, в свою очередь, обусловило частичную разборку последних. Данное преднамеренное повреждение конструктивно важных стен медресе, равно как выход окон мечети в жилые и общего пользования помещения школы, считаются свидетельством о запустении и руинированном состоянии здания учебного заведения в этот период [15, с. 524]. Однако важным остается факт возведения мечети XV века именно возле здания медресе.

Сейчас Солхатские медресе и мечеть являются двумя разновременными зданиями с общей стеной, не связанными между собой проходом. Таким образом, в текущем виде их следует отнести к первому варианту, потому как они представляют собой два здания с раздельным входом и собственной планировкой. При этом дискуссионным вопросом является,

считать ли здания комплексом вообще в том смысле, в котором рассматриваются объекты в данном исследовании, потому как синхронно «воссозданная мечеть Узбека» и медресе Инджибек хатун не функционировали никогда. Архитектурно эти два здания, конечно же, представляют собой комплекс.

По всей видимости, определенные медресе, либо специально построенные как городской или региональный центр, либо приобретшие такой статус в процессе функционирования, начинают доминировать над остальными зданиями комплекса и влияют на их пространственное расположение и архитектуру. Примером такого комплекса служит медресе Саргатмиш, построенное в 1356 году мамлюкским эмиром Сайфом ад-Дином Саргатмиш ан-Насири. Архитектура этого объекта примечательна тем, что внешний фасад комплекса ориентирован на улицу и состоит из медресе и мавзолея, а мечеть расположена за фасадом, дальше всего от улицы. Вероятно, такое решение, при котором светские элементы здания видны всем, отражает стремление мамлюков ставить престиж выше благочестия [30, с. 197–199].

В связи с этим необходимо отметить значение переноса мечети хана Узбека к северной стене медресе Инджибек-хатун. Город Солхат располагал несколькими общественными и духовными центрами, мечетями, постоянным двором, но тем не менее, только в одном известном на сегодняшний день случае имел место перенос одного, без сомнения, важного культового объекта к другому. Вероятно, это отражает большую значимость медресе даже на момент переноса. Среди предположений о целях и причинах данного переноса исследователями высказывается сложность единовременного поддержания двух столь грандиозных для города объектов, особенно после землетрясения – перенос датируется XV веком.

Особо, вне комплекса мечети-медресе, следует рассматривать медресе, имевшие михрабные ниши в учебных комнатах и минареты. В ряде случаев айван медресе, находившийся со стороны киблы, образовывал внутреннюю «мечеть медресе», не влияющую на название постройки. В таком айване располагалась михрабная ниша. Например, известны отдельный полихромной мраморной мозаикой михраб медресе Аль-Фирдоус в Алеппо (XIII век, период Айюбидов). Здание Солхатского медресе также имеет собственную михрабную нишу в стенае южного айвана [14, с. 81; 20, с. 159–169].

Наличие таких археологически фиксируемых элементов может быть важно по следующей причине. Как было показано выше, не все объекты, называемые «медресе», в Средние века носили духовно-образовательную функцию. Некоторые из них, вероятно, в классификации должны быть скорее отнесены к «университетам» и «библиотекам», чем к «семинариям»: так, в средневековые на территории Азербайджана существовали медресе при дворе знаменитых учителей и медресе при обсерваториях, дающие естественнонаучные знания [9, с. 44]. В комплекс Марагинской обсерватории (основанной в 1259 году в Мераге выдающимся персидским учёным Насир ад-Дином ат-Туси) входило медресе и библиотека в 400 тысяч томов, но не входила мечеть [34, с. 26–30]. Часть учебных заведений носили медицинский характер: Нурия Бимаристан (1154), которая была открыта в период Зенгидов, действовала как медицинская школа (дар ат-тыбб). Некоторые медресе становились скорее библиотеками и местами копирования рукописей. Усиление светской проявлялось в архитектуре и убранстве зданий: конструкция обязательных элементов духовных заведений – джума-мечетей и медресе зависела теперь от локальных традиций и даже от воли заказчика [6, с. 62]. Тем не менее, по архитектурной планировке и в историографии такие учебные заведения продолжали наряду с духовными называться «медресе». Таким образом, наличие мечети рядом или внутри медресе, или фиксация михрабной ниши в одном из айванов, может косвенно указывать на «духовную специализацию» данного учебного заведения, или на высокую степень значимости преподавания духовных предметов в нём.

Уникальным и показательным с точки зрения появления устойчивых названий комплексов мечетей-медресе является случай в Верии (север Греции). Там мечетью-медресе называется мечеть, построенная из остатков прошлой мечети, в которую была перестроена при османском завоевании церковь Святого Павла. Функции медресе это здание никогда не носило, но получило таковое название, будучи мечетью близлежащего медресе, само здание которого сгорело в 1920-х годах [33, с. 72–78].

Отметим, что связь с мечетью сохранялась не только у медресе, но и у исламского духовно-образовательного заведения первой ступени – мектеба. Важность посещения главного культового здания общины – мечети, для юного поколения была крайне высока. Однако тема мектебов еще менее изучена, чем тема медресе. На сегодняшний день известен только один случай мечети-мектеба. В комплекс ханеги шейха Тахира у Девичьей башни в Баку входила мечеть-мектеб Моллы Мирзы с круглым куполом, относящаяся к периоду правления шаха Аббаса II (1645 г.) [34, с. 26–30].

Проследить аналогию функционирования подобных средневековых комплексов, сочетающих в себе религиозные и некоторые социальные функции в одном здании, можно на примере открытой в 1998 году в Уфе мечети-медресе Ляля-Тюльпан. Одноэтажное здание с большим купольным залом для молитвы (самостоятельно, мечеть) располагается посередине большого строения. Остальная площадь объекта включает в себя место для бракосочетаний, учебные аудитории и общежительные комнаты медресе, столовую, конференц-зал, комнаты для омовений и сауну. В остальном же практика сооружения медресе Нового и Новейшего времени предполагает отдельное от мечети здание в местной архитектурной традиции.

Отдельно отметим специфику крымских медресе, находящихся в комплексах дворцов, и их связи с мечетями. Среди средневековых крымских медресе к таковым относятся Зинджырлы-медресе, медресе в Улаклы и медресе комплекса Ханского дворца в Бахчисарае. Относительно крымских медресе, а также в целом медресе в мировой практике, нет примеров, когда они специально функционировали бы только для нужд дворца. Стоит предположить, что частично образование будущих крымских ханов проходило в медресе, находящихся возле дворца и построенных на деньги ханов. Однако в целом медресе Бахчисарай были открыты для обучения горожан и жителей других городов и сел Крымского ханства. Также функционировали они и как хранилище знаний: библиотека Зинджырлы-медресе во многом состояла из завещанных ханом Менгли Гераем и его потомками томов с личными владельческими надписями. Можно предположить, что и Улакойское медресе использовалось не только для нужд правящей семьи Гераев, но и для жителей окрестных населенных пунктов. Улакойский дворец был загородным дворцом, где хан бывал непостоянно, а мы можем неоднократно фиксировать имя постоянного мудерриса этого медресе [28, с. 16–18].

Мечеть присутствовала в комплексе Девлет-Сарай – группы сооружений дворцового ансамбля крымских ханов в Салачике, где находилась главная резиденция до появления современного Ханского дворца. Согласно результатам раскопок, мечеть находилась между дворбами первых Гераев (Хаджи Герая и Менгли Герая) и Зинджырлы-медресе [27, с. 22–31]. Развалины мечети датируют XV веком, а датой создания Зинджырлы-медресе считается 1500-й год. Допустимо предположить, что расположение медресе, дворбе и мечети в едином комплексе было задумано создателем медресе, Менгли Гераем.

Мечеть была отдельным строением в комплексе Улакойского дворца. Медресе, если судить по сохранившимся фотографиям и плану, скопированному У. Боданинским, имело шесть больших помещений и два маленьких вокруг центрального двора, однако все они предназначались именно для обучения.

В Ханском дворце в Бахчисарае комплекс зданий медресе примыкал к восточному фасаду Большой ханской мечети со стороны дороги (современной улицы Ленина, возле реки Чурук-Су) и к северной части ханского кладбища, судя по сохранившимся довоенным послереволюционным фотографиям и чертежу инженера Садовского 1912 года [26, с. 249]. Медресе было отдельно стоящим зданием со своими подсобными помещениями (отхожими местами и баней) и фонтаном. Упоминаний о комплексе мечети-медресе бахчисарайского Ханского дворца в историографии не встречается.

Рассматривая остальные крымские медресе средневекового периода, отметим следующие закономерности. Бахчисарайское Орта-медресе XVII века входило в комплекс зданий постройки Чалар Ахмет-Аги, среди которых были и мечеть, и прочие хозяйствственные постройки, но было отдельным зданием. Медресе Ак-Мечети (Симферополя) до уничтожения в XX веке находилось в отдельной постройке (пристройке). Гезлевское (Евпаторийское) медресе с момента создания указывается как медресе при Джума-Джами (Хан-Джами) [24, с. 255–258], хотя в

конструкции сохранившейся до настоящего времени мечети нет помещения для занятий. Вероятно, рядом существовала утерянная на сегодняшний день постройка медресе.

Данных о расположении кефинских и карасубазарских медресе относительно мечетей нет, однако следует заметить, что только одно карасубазарское медресе носит название «Медресе Джами Шериф» в честь мечети, остальные же – в честь создателей. Чуюнчинское медресе указывается как центр переписи рукописей, для чего должно было существовать отдельное от мечети помещение [4]. Тав-Даирское медресе указано как построенное Бек-заде ханум в период Крымского ханства строение [2]. Указать соотношение медресе в Ойрате, Кырк-Ере (Чуфут-Кале) и Инкермане с мечетями не представляется возможным.

Хроника Реммаль-ходжи, ученого при дворе Сахиб Герая, «Тарих-и Сахиб Герай хан» (XVI в.), указывает на последовательность и разновременность усилий крымских правителей, в частности, Сахиб Герая, по постройке разных культовых сооружений: «Затем оттуда хан, вернувшись, прибыл в Улаклы-Сарай. Построил прекрасную мечеть и медресе, назначил мюдерриса. Затем взявши за благоустройство Бахчисарай, облагородил сад, полный птиц, и построил посередине райское здание <...> Вблизи от того дворца построил священную мечеть и прекрасное высокое место для собраний, так что отовсюду приходили люди полюбоваться им. Затем же, назначив мюдерриса, построил поблизости хамам (баню), слава о которой распространялась по всему краю, а напротив хамама возвели большие дома с чердаками» [1, с. 187–188].

Следует отметить, что на территории Кировского района Республики Крым до 1943 года существовало село Имарет (также Аморета в русских документах и Ирак Текье). Его название, вероятно, отсылает к существованию на данной территории имарета как духовно-социального комплекса в период Крымского ханства, и непосредственно мечети и медресе и, возможно, карантина для караванов, прибывавших в г. Старый Крым [8, с. 331–384]. Для получения однозначного ответа необходимо продолжать исследования в этом направлении.

Подводя итоги, следует отметить, что медресе, начиная с XII века, входит в состав широких общественных комплексов и архитектурных ансамблей в восточных городах. Массовое появление таких комплексов чаще всего относится к периоду XIV–XV веков, позднему Средневековью, после ликвидации разрушительных последствий монгольского появления на исследуемых территориях. Это связывается с наличием благоприятных условий для роста крупных (относительно государственного образования) городов – повышением роли и значимости городов как государственных единиц, значительным расширением их территории и резким увеличением населения. Такие процессы приводили к изменению характера городской застройки, в которой начинали преобладать общественные сооружения социального назначения – открытые и крытые рынки, торгово-ремесленные ряды, караван-сараи, бани. В известной мере к ним относились и культовые здания, одновременно выполнявшие и общественные функции – оглашение правительенных указов в мечетях, медресе и т. п. [6, с. 48].

Из всех зданий подобных комплексов наиболее прочная функциональная и архитектурная связь с медресе отмечается у мечети. Это обусловлено непосредственной практической связью обучающихся с местом их будущей работы, необходимостью постоянно присутствовать на молитвах и замыслом строителя зданий. Даже в случае наличия отдельного здания мечети рядом с медресе, внутри духовного учебного заведения создавалось молитвенное помещение, комната или выделялось специальное место – михрабная ниша – в одной из больших аудиторий. Крымский комплекс «мечети и медресе хана Узбека» – мечети хана Узбека и медресе Инджибек-хатун является уникальным примером того, как взаимосвязь функционального назначения зданий обусловила их территориальное совмещение в результате переноса мечети к зданию медресе. Большинство средневековых крымских медресе находятся в непосредственной близости к мечетям, сохранившиеся медресе входят в состав комплексов и ансамблей (чаще всего, дворцового типа). Позднейшие крымские медресе (XVII и XVIII веков постройки) следуют мировой тенденции обособления в отдельное здание в местной архитектурной традиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдужемилев Р.Р. Хроника «Тарих-и Сахиб Герай хан» // Крымское историческое обозрение. 2018. № 1. С. 179–195.
2. Аирчинская Р. Честь имею помочь // История и краеведение. 10.04.2015. № 2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://goloskrimanew.ru/chest-imeyu-pomoch.html> (дата обращения 27.09.2025).
3. Али-заде А.А. Аркам ибн Абу аль-Аркам // Исламский энциклопедический словарь. М.: Ансар, 2007. С. 87.
4. Арабские рукописи Института востоковедения Академии наук: Краткий каталог / ред. А.Б. Халидов. М.: Наука, 1986. Ч. 1. 526 с.
5. Бобровников В.О., Стародуб Т.Х. Медресе // Большая российская энциклопедия. М., 2011. Т. 19. С. 519–520.
6. Бретаницкий Л.С. Зодчество Азербайджана XII–XVI вв. и его место в архитектуре Переднего Востока. М.: Наука, 1966. 132 с.
7. Воронина В.Л. Архитектура Сирии XI–XVIII вв. // Всеобщая история архитектуры. Т. 8. Архитектура стран Средиземноморья, Африки и Азии. VI–XIX вв. / ред. Ю.С. Яралов, Б.В. Веймарн, В.А. Лавров и др. М.: Стройиздат, 1969. С. 40–46.
8. Гаврилов А.В. Средневековые памятники Юго-Восточного Крыма: материалы к археологической карте // Сугдейский сборник. Вып. III. Киев, Судак, 2008. С. 331–384.
9. Гусейнзаде Р.Л., Мамедов Т.М. Педагогика. Баку, 2015. С. 44.
10. Засыпкин Б.Н. Архитектура Средней Азии древних и средних веков. М.: Академия архитектуры СССР, 1948. 160 с.
11. Земенко В.И., Юркина Ю.А. Дом Мудрости: от переводческого до научного центра // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия: *Studis historica juvenum*. 2009. № 1. С. 108–112.
12. Зилибинская Э.Д. Медресе и ханака в Золотой Орде (по письменным источникам и археологическим данным) // ПИФК. 2011. № 2 (32). С. 129–151.
13. Ибрагим Т.К., Сагадеев А.В. Ал-Хасан ал-Басри // Ислам: энциклопедический словарь / ред. С.М. Прозоров. М.: Наука, ГРВЛ, 1991. С. 275–276.
14. Кирилко В.П. Солхатское медресе // *Stratum plus*. 2011. № 6. С. 125–210.
15. Кирилко В.П. Строительная периодизация т.н. мечети Узбека в Старом Крыму // Генуэзская Газария и Золотая Орда / ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Кишинев, 2015. С. 509–558.
16. Козем Б.Х. Возникновение и принципы организации учебных центров – Низамий в эпоху сельджукидов // Молодой ученый. 2014. № 6. С. 603–605.
17. Конкин Д.В. Система кюллие и ее роль в формировании инфраструктуры городов в Крымском ханстве // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: Матер. VI Междунар. научн. конф. (Севастополь, 3–7 октября 2022 г.) / ред. В.В. Лебединский. М.: ИВ РАН, 2022. С. 250–254.
18. Кононенко Е.И. Роль кюллие в планировке раннеосманской Бурсы // Вопросы всеобщей истории архитектуры. 2016. Вып. 6 (1). С. 133–148.
19. Кораев Т.К. Низам аль-Мульк // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://bigenc.ru/c/nizam-al-mul-k-08aaca/?v=4449787> (дата обращения 27.09.2025).
20. Крамаровский М.Г., Сейдалиев Э.И. Комплекс медресе-мечети в Старом Крыму: к 100-летию археологического изучения // *Terra Tatarica: Крым и тюркский мир в эпоху Средневековья и в Новое время: Сборник научных трудов Всероссийской научной конференции с международным участием*. Вып. III / ред. Э.И. Сейдалиев. Симферополь: Ариал, 2025. С. 170–183.
21. Ломакин Д.А. Медресе-мечеть Узбека в Старом Крыму: сквозь пространство и время // Пространство и Время. 2014. № 2 (16). С. 159–169.
22. Ломакин Д.А. Мусульманские памятники Старого Крыма XIII–XV вв.: история изучения, современное состояние. Симферополь: Соло-Рич, 2015. 240 с.
23. Маньковская Л.Ю. Типологические основы зодчества Средней Азии. Ташкент, 1980. 184 с.
24. Миннегулов Х.Ю. Художественное своеобразие стихотворений Ашык Умера // Филология и культура. 2013. № 1 (31). С. 155–158.
25. Наршахи М. История Бухары / Пер. Н. Лыкошина. Ташкент, 1897. 123 с.
26. Османов Э.Э. Медресе Бахчисарай // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2014. № 1–2. С. 243–250.
27. Свод памятников истории, архитектуры и культуры крымских татар. Том I. Бахчисарай / ред. Р.С. Хакимов; Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, Крымский научный центр; Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник. Симферополь: Форма, 2016. 168 с.
28. Свод памятников истории, архитектуры и культуры крымских татар. Том 2. Бахчисарайский район / ред.-сост. Ш.С. Сейтумеров, науч. ред. Р.Р. Салихов. Симферополь: Форма, 2016. 184 с.

29. Athar Z., Ijaz N., Ikram R. The role of Bait-ul-Hikma in preserving and transforming Greek philosophy: A historical and intellectual analysis // AL-ĪMĀN Research Journal. 2024. № 2(03). P. 167–180.
30. Behrens-Abouseif D. Cairo of the Mamluks: A History of Architecture and its Culture. London: Tauris, 2007. 384 p.
31. Hillenbrand R. Islamic Architecture: Form, Function, and Meaning. New York: Columbia University Press, 1994. 645 p.
32. Lambton A.K.S. The Dilemma of Government in Islamic Persia: the Siyasat-nama of Nizam al-Mulk // Iran: Journal of the British Institute of Persian Studies. 1984. Vol. 22. P. 55–66.
33. Μαργέ Α.Ι., Ματσκάνη Α.Σ. Η οθωμανική αρχιτεκτονική στην πόλη της Βέροιας // Αρχαιολογία και Τέχνες. 2007. τχ. 105. P. 72–78.
34. Mehdiyev A. Architecture of Madrasa in Azerbaijan // International Academy Journal Web of Scholar. 2019. № 1 (31). P. 26–30.
35. Türk H. Alawi Syncretism: Beliefs and Traditions in Shrine of Hüseyin Gazi // Journal of Religious Culture. 2004. Nr. 69. P. 1–20.

REFERENCES

36. Abduzhemilev R.R. Chronicle “Tarikh-i Sahib Geray Khan”. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie* [Crimean historical review], 2018, no. 1, pp. 179–195.
37. Aircinskaya R. I have the honor to help. *History and local history*, 10.04.2015. URL: <http://goloskrimanew.ru/chest-imeyu-pomoch.html> (date of access 27.09.2025).
38. Ali-zade A.A. Arkam ibn Abu al’-Arkam. *Islamskii entsiklopedicheskii slovar* [Islamic Encyclopedic Dictionary], Moscow, Ansar Publ., 2007, p. 87.
39. Khalidov A.B. (ed.), *Arabskie rukopisi Instituta vostokovedeniia Akademii nauk: Kratkii katalog* [Arabic manuscripts of the Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences: Brief catalog]. Part 1. Moscow, Nauka Publ., 1986, 526 p.
40. Bobrovnikov V.O., Starodub T.Kh. Madrasah. *Bol’shia rossiiskaia entsiklopedia* [Great Russian Encyclopedia], Moscow, 2011, T. 19, pp. 519–520.
41. Bretanitskii L.S. *Zodchestvo Azerbaidzhana XII–XVI vv. i ego mesto v arkhitekturere Perednego Vostoka* [Architecture of Azerbaijan in the 12th–16th Centuries and Its Place in the Architecture of the Near East]. Moscow, Nauka Publ., 1966, 132 p.
42. Voronina V.L. Architecture of Syria in the 11th–18th centuries. Iu.S. Iaralov, B.V. Veimarn, V.A. Lavrov et al. (eds.), *Vseobshchaya istoriya arkitektury. T. 8. Arkitektura stran Sredizemnomor’ia, Afriki i Azii. VI–XIX vv.* [General history of architecture. Vol. 8. Architecture of the countries of the Mediterranean, Africa, and Asia. 6th–19th centuries], Moscow, Stroizdat Publ., 1969, pp. 40–46.
43. Gavrilov A.V. Medieval monuments of South-Eastern Crimea: materials for an archaeological map). *Sugdeiskii sbornik* [Sugdey collection], Vol. 3, Kiev, Sudak, 2008, pp. 331–384.
44. Guseinzade R.L., Mamedov T.M. *Pedagogika* [Pedagogy]. Baku, 2015, 44 p.
45. Zasyplkin B.N. *Arkitektura Srednei Azii drevnikh i srednikh vekov* [Architecture of Central Asia of Ancient and Middle Ages]. Moscow, Academy of Architecture of the USSR Publ., 1948, 160 p.
46. Zemenko V.I., Iurkina Iu.A. House of Wisdom: From a Translation Center to a Scientific Center. *Vestnik nauchnoi assotsiatsii studentov i aspirantov istoricheskogo fakul’teta Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriia: Studis historica juvenum* [Bulletin of the Scientific Association of Students and Postgraduates of the History Faculty of Perm State Humanitarian and Pedagogical University. Series: Studis historica juvenum], 2009, no. 1, pp. 108–112.
47. Zilivinskaya E.D. Madrasahs and Khanakas in the Golden Horde (based on written sources and archaeological data). *Problemy istorii, filologii, kul’tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies], 2011, no. 2 (32), pp. 129–151.
48. Ibragim T.K., Sagadeev A.V. Al-Khasan al-Basri. S.M. Prozorov (ed.), *Islam: entsiklopedicheskii slovar* [Islam: Encyclopedic Dictionary], Moscow, Nauka Publ., 1991, pp. 275–276.
49. Kirliko V.P. Solkhat madrasah. *Stratum plus*, 2011, no. 6, pp. 125–210.
50. Kirliko V.P. Construction periodization so-called Uzbek mosques in Old Crimea. S.G. Bocharov, A.G. Situdikov (eds.), *Genuezskaia Gazaria i Zolotaia Orda* [Genoese Gazaria and the Golden Horde], Kishinev, 2015, pp. 509–558.
51. Kozem B.Kh. The emergence and organization principles of educational centers – Nizamiyya in the Seljuk Era. *Molodoi uchenyi* [Young Scientist], 2014, no. 6, pp. 603–605.
52. Konkin D.V. The Külliye System and its role in the formation of urban infrastructure in the Crimean Khanate. V.V. Lebedinskii (ed.), *Istoricheskie, kul’turnye, mezhnatsional’nye, religioznye i politicheskie sviazi Kryma so Sredizemnomorskimi regionami i stranami Vostoka* [Historical, cultural, interethnic, religious, and political relations of Crimea with the Mediterranean region and the countries of the East], Moscow, Institute of Oriental Studies RAS Publ., 2021, pp. 250–254.

53. Kononenko E.I. The function of Kullie in mapping out Early Ottoman Bursa. *Voprosy vseobshchei istorii arkhitektury* [Questions of the History of World Architecture], 2016, vol. 6 (1), pp. 133–148.
54. Koraev T.K. Nizam al-Mulk. *The Great Russian Encyclopedia: scientific and educational portal*. URL: <https://bigenc.ru/c/nizam-al-mul-k-08aaca/?v=4449787> (date of access 27.09.2025).
55. Kramarovskii M.G., Seidaliev E.I. The Madrasah-Mosque Complex in Stary Krym: On the 100th Anniversary of Archaeological Study. E.I. Seidaliev (ed.), *Terra Tatarica: Krym i tiurkskii mir v epokhu Srednevekov'ia i v Novoe vremia* [Terra Tatarica: Crimea and the Turkic World in the Middle Ages and in Modern Times], Simferopol, Arial Publ., 2025, pp. 170–183.
56. Lomakin D.A. Khan Uzbek madrasah-mosque in Stary Krym: through space and time. *Prostranstvo i Vremia* [Space and Time], 2014, no. 2 (16), pp. 159–169.
57. Lomakin D.A. *Musul'manskie pamiatniki Starogo Kryma XIII–XV vv.: istoriiia izucheniiia, sovremennoe sostoianie* [Muslim monuments of Stary Krym of the 13th–15th centuries: history of study and current status]. Simferopol, Solo-Rich Publ., 2015, 240 p.
58. Man'kovskaia L.Iu. *Tipologicheskie osnovy zodchestva Srednei Azii* [Typological Foundations of Central Asian Architecture]. Tashkent, 1980, 184 p.
59. Minnegulov Kh.Yu. Artistic originality of Ashik Umer's poetry. *Filologiya i kul'tura* [Philology and culture], 2013, no. 1 (31), pp. 155–158.
60. Narshakhi M. *Istoriia Bukhary* [History of Bukhara]. Transl. N. Lykoshina. Tashkent, 1897, 123 p.
61. Osmanov E.E. Madrasah of Bakhchisarai. *Ekho vekov* [Echo of centuries], 2014, no. 1–2, pp. 243–250.
62. Khakimov R.S. (ed.), *Svod pamiatnikov istorii, arkhitektury i kul'tury krymskikh tatar. Tom 1. Bakhchisarai* [Code of monuments of history, architecture and culture of the Crimean Tatars. Vol. 1. Bakhchisarai]. Simferopol, Forma Publ., 2016, 168 p.
63. Seitumerov Sh.S. (ed.), *Svod pamiatnikov istorii, arkhitektury i kul'tury krymskikh tatar. Tom 2. Bakhchisaraiskii raion* [Code of monuments of history, architecture and culture of the Crimean Tatars. Vol. 2. Bakhchisaray district]. Simferopol, Forma Publ., 2016, 184 p.
64. Athar Z., Ijaz N., Ikram R. The role of Bait-ul-Hikma in preserving and transforming Greek philosophy: A historical and intellectual analysis. *AL-ĪMĀN Research Journal*, 2024, no. 2(03), pp. 167–180.
65. Behrens-Abouseif D. *Cairo of the Mamluks: A History of Architecture and its Culture*. London, Tauris Publ., 2007, 384 p.
66. Hillenbrand R. *Islamic Architecture: Form, Function, and Meaning*. New York, Columbia University Press, 1994, 645 p.
67. Lambton A.K.S. The dilemma of government in Islamic Persia: the Siyasat-nama of Nizam al-Mulk. *Iran: Journal of the British Institute of Persian Studies*, 1984, vol. 22, pp. 55–66.
68. Marge A.I., Matskani A.S. The Ottoman Architecture in the City of Veroia. *Αρχαιολογία και Τέχνες*, 2007, τχ. 105, pp. 72–78.
69. Mehdiyev A. Architecture of Madrasa in Azerbaijan. *International Academy Journal Web of Scholar*, 2019, no. 1 (31), pp. 26–30.
70. Türk H. Alawi Syncretism: Beliefs and Traditions in Shrine of Hüseyin Gazi. *Journal of Religious Culture*, 2004, no. 69, pp. 1–20.

Информация об авторе

Шульман К. Д. – младший научный сотрудник НИЦ истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, AuthorID: 1108213.

Author information

Shulman K. D. – Junior Researcher at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University, AuthorID: 1108213.